

Современная парадигма сексуальности: молчание о сексуальности Пырьянова О.А.

О сексуальности много говорят, пишут и спорят, однако большинство попыток понять данный феномен не выходит за рамки сложившихся представлений. Сексуальность достаточно давно интересовала людей, но ее философское осмысление началось лишь в XIX веке, однако тогда оно было несвободно от влияния медицины и биологии, основополагающей его задачей было исследование продолжения рода. Ученые-мужчины, в частности З. Фрейд, создали теорию мужской сексуальности. Все проявления, желания и влечения индивида, согласно этой теории, приобрели мужской характер, типичную для мужчины активность и агрессивность. Мужская сексуальность кодифицировала все сексуальные проявления: определила понятие нормы, под которое была подведена вся концепция. Любое отклонение было запрещено, возможной реакцией на него могло быть отнесение в разряд патологии или социальный остракизм.

В современном буржуазном обществе возникает новая парадигма понимания вопросов, связанных с сексуальностью. «Секс-клубы перевернули мораль половой жизни, подняв планку социальной терпимости, которая усилила эротический трепет чувственного выражения на клубной арене. Табу были сметены, так как стали видимыми и популярными, но в то же время сохранили немалую долю своей греховной притягательности и потому продолжают выглядеть вызывающими и страстными» [Джесксон Ф. Клубная культура. Екатеринбург, 2005. С. 66]. Еще несколько десятилетий назад в нашей стране тема сексуальности была строго табуирована, сегодня же ее не просто обсуждают, но и развивают практику эксперимента. Наблюдается смещение прежних лозунгов и идеалов. «Свобода сексуального опыта», - так звучит актуальный призыв современности.

В последние годы практически все СМИ не оставляют без внимания тему сексуальности. Любая уважающая себя радиостанция, газетное издание или телеканал для поддержания своего рейтинга считает необходимым регулярно поднимать волнующий многих вопрос о сексуальности. Много рассуждают о сексуальности вещей, пытаясь открыть новые измерения сексуальности, но почти все идеи этого дискурса несут на себе отпечаток учения З. Фрейда.

Классический психоанализ предложил лишь один вариант понимания сексуальности: любое сексуальное поведение не только трактуется, исходя из понимания мужского, но и не мыслится как возможность чего-то иного, не предполагается сама возможность существования другого подхода и объяснения. Весь мир концентрируется на идее маскулинности, которая предполагает не только сексуальное понимание, но также и культурное. В оформившемся центре мира помещается мужчина, все происходит для него и ради него. На его личности сосредотачивается любое явление, событие, изменение, а также и любая сексуальность, не исключая его собственной. Индивид заполняет собой все существующее пространство. Ситуация

мегаломании вынуждает человека находить только один сексуальный объект – себя самого. Помещая мужчину в центр мира, мужская сексуальность демонстрирует апофеоз нарциссизма.

Теория феминизма, которая пыталась противостоять мужской сексуальности, по своей сути, не что иное, как фрейдистская теория, но с иными ярлыками. Наоми Вулф подробно рассматривает миф о красоте, о том, как мужчины используют его против женщин [См.: *Вулф Н.* Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин // *Иностранная литература.* 1993. № 3]. Данная работа пропитана духом феминизма, поэтому неудивительно, что автор не столько хочет изменить положение женщин, сделать их равными в правах с мужчинами, сколько пытается провозгласить женщину вершиной творения этого мира. Даже говоря о мужчине, Наоми Вулф не воспринимает его как самостоятельную личность, он всего лишь некоторый уровень, который женщина должна не только достигнуть, но и превзойти. Любые аспекты жизни человека связываются только с женщинами, и если взглянуть на сексуальность, то эта сексуальность будет практически идентична описанной Фрейдом.

Парадоксально, современный западный человек неумолимо стремится к выражению собственной индивидуальности, однако, почти каждый находит себе унифицирующую систему ценностей, которой и пытается соответствовать. Эта система ценностей является своеобразным фантомом, который при приближении к нему либо исчезает, либо, видоизменяясь, предъявляет к человеку все новые требования. Именно таким фантомом является миф о красоте. В каждую эпоху он меняется, и ни одна женщина не может достигнуть того идеала, который создает миф, поскольку он «всегда предписывает поведение, а не внешность» [Там же. С. 221]. Миф о красоте питает тот факт, что внешность женщины вообще не имеет никакого значения, главное, чтобы женщина считала себя некрасивой. Женщину, лишенную своего основного «качества» быть красивой, легко подчинить, поскольку основания ее бытия подорваны. Сила привлекательности, которая поддерживает обычную женщину на поверхности жизни, является разрушенной или потерянной. На этом собственно и строится современная рекламная индустрия, косметическое производство, а также различные услуги для улучшения внешности, обещающие человеку не только новую внешность, но и новую жизнь. Такое отношение к телу не только женскому, но и мужскому может привести не к его совершенству, а к его исчезновению (известен не один прецедент, когда, стремясь к общепринятому идеалу красоты, недовольные своей внешностью люди просто погибали).

Культ человеческого тела постепенно сам себя разрушает. Люди начинают желать той внешности, которая зачастую их самих и не привлекает, они забывают о том, что любому телу найдется свое место. Человеческая сексуальность многообразна, она не может быть замкнута в рамках какого-то «идеала». Каждый человек способен раскрыть свою сексуальность, если не будет стремиться стать частью того, что ему чуждо. У тела есть свои границы,

выход за которые может обернуться негативными последствиями как физическими, так и духовными.

Фрейдизм создал своего фантома. Тот, кто является адептом данного учения, стремится достигнуть или приблизиться к нормальному состоянию. Норма с этой точки зрения определяет границу сексуального поведения. Все, что выходит за ее пределы является патологичным и девиантным. Понятие нормы поддерживает основы мужской сексуальности, так как маскулинное общество – общество кары и наказания. Оно постоянно ищет какой-то объект, жертву. Норма и извращение, понятия, порожденные мужской сексуальностью, поработают мир, что в конечном итоге ведет к его гибели: воспроизводство одного и того же исключает возможность дальнейшего развития. Мужская сексуальность любыми понятиями, которые она использует, пытается оправдать свое существование.

Невозможно до конца определить норму, чтобы в объем этого понятия включалось абсолютное большинство. «Если термином «нормальность» называют то, что является антропологической необходимостью, или то, что универсально для данной культуры, тогда ни сам этот термин, ни его антоним неприменимы к многообразию форм человеческой сексуальности» [Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 84]. «Антропологической необходимостью» не исчерпывается богатство сексуальных практик. В природе человеческой личности заложено стремление к тому, что до конца не определено. Человек не животное и не машина, он не способен действовать в строго определенных рамках. Ни одно явление в жизни людей не может быть объяснено с точки зрения лишь одной необходимости. Часто бывает, что необходимость выступает совсем не как основной мотив к действию. При определенных обстоятельствах необходимость игнорируется, на первый план выступают факторы не необходимые, но более существенные. Ж. Делез и Ф. Гваттари придерживаются сходной точки зрения: «Не сексуальность является средством на пути продолжения рода, но порождение тел является средством на службе сексуальности как самовоспроизводство бессознательного» [Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М., 1997. С. 36]. Продолжение рода – это не самоцель сексуальности, существование сексуальности возможно лишь в том случае, если присутствует граница между ней и продолжением рода. «Смысл, а также цель и интенцию, имеет лишь то, что производится не так, как функционирует» [Там же. С. 88].

Согласно концепции З. Фрейда, сексуальность любого человека глубоко патологична, и эта патология носит приобретенный характер. Весь процесс развития сексуальности – это приобретение патологии. Развитие, приходящее в итоге к норме, невозможно, хотя, парадоксально, именно такое развитие для Фрейда играет роль эталона. И маскулинность, породившая понятие нормы, совершенно не мыслится как существующая и развивающаяся. Она возможна только тогда, когда норме придается теоретический характер, совершенно оторванный от реальности.

Как фрейдизм, так и феминизм представляют мифологическую картину сексуальности: описанные концепции предполагают лишь одного субъекта-участника сексуальных отношений, а развитие сексуальности воспринимается не как процесс становления, а как путь к саморазрушению. Антропологические проявления человека становятся чем-то постыдным и неприемлемым, тем, что должно быть исключено из жизни здорового, гармонично развивающегося человека.

Возможно, разумнее будет назвать все это «говорение» молчанием о сексуальности, поскольку оно практически ничего не приносит к внутреннему опыту каждого человека, а лишь пытается его разрушить. Говоря о сексуальности, как правило, говорят об абстрактной сексуальности, которая в реальности не подходит ни одному человеку. Отчасти это связано с тем, что в начале XX века на развитие науки оказала большое влияние социология, которая по принципу естественных наук стремилась к предельному обобщению. Другая причина данного явления может быть связана с лицемерностью любого общества, которое не позволяет свободно выбрать не только объект исследования, но и все то, что по его поводу может быть сказано. Ученые и общественные деятели зачастую превозносят то, что в данном обществе узаконено, считается необходимым и нормальным. Явления и типы поведения с менее удачной судьбой порицаются.

Время открытой демонстрации собственной сексуальности прошло, сегодня «немодно» говорить о том, что является твоей сущностью. Граница между общественным мнением и собственной сексуальностью стала более непроницаемой. Но молчание не относится к правилам хорошего тона, поэтому говорение продолжается по инерции, его объект остался в прошлом, отстав от реальности на жизнь не одного поколения.

«Если в порнографии ныне утрачена иллюзия желания, то в современном искусстве утрачено желание иллюзии. В порно просто уже не осталось ничего вызывающего желание. Эпоха оргий и раскрепощения всех желаний кончилась: мы погрузились в транссексуальность в смысле прозрачности секса: в его знаках, в его образах изничтожена любая тайна и любая недоговоренность. Транссексуальность не имеет ничего общего с иллюзией желания, но имеет отношение к гиперреальности образа» [*Бодрийар Ж. Заговор искусства // Художественный журнал. 1998. № 21. С. 7*]. «Прозрачность секса» приводит к тому, что надобность говорить о нем отпадает, однако это не приводит к истинному знанию сексуальности. Воображаемый или желаемый сексуальный объект в результате не имеет сил проникнуть в действительный мир. Он не может стать реальным, что отчасти ведет к разрушению сексуальности.

Соккрытие сексуальности, молчание о ней является следствием влияния постмодернизма. Именно постмодернизм создал систему симулякров, которые, заменяя практически все, заменили людям их собственную сексуальность в дискурсе современной культуры.

Любое исследование становится процессом сокрытия сущности вещей, их коннотаций. Наименование больше не несет в себе смысловой нагрузки. Имя не

открывает смысла, напротив, оно затемняет истинное значение, направляет в quasi-смысловую реальность. Называя вещь раньше, человек хотел ее сделать своей с целью дальнейшего использования. Теперь смысл присвоения имени дополняется желанием скрыть данную вещь от других.

Возможно, имя было дано неверно, если оно непосредственно не транслирует сущность вещи; но, скорее всего, это было сделано намеренно, для того, чтобы вновь и вновь возвращаться к обсуждению сексуальных отношений, к спорам о них и к итогам, которые спровоцируют еще больше вопросов и неправильных имен. «Тайна секса, безусловно, не является той основной реальностью, по отношению к которой располагаются все побуждения о нем говорить, - безразлично, пытаются ли они эту тайну разрушить или же каким-то непонятным образом снова и снова ее возобновлять самой манерой говорить... Для современных обществ характерно вовсе не то, что они обрекли секс пребывать в тени, но то, что они обрекли себя на постоянное говорение о нем, делая так, чтобы его ценили как *тайну*» [Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 133]. Именно тайна способствует сближению людей. Развенчание тайны может привести к крушению отношений. Близость, являющаяся основой нитью, которая соединяет людей, будет разрушена. Разрушение близости приводит к неспособности индивидов говорить о том, что им дорого, что является неотделимым от них или о том, что может стать таковым.

Современный человек боится не только своих природных стремлений, но даже разговора о них. Говоря же, пытается все свести к мифическим формам реальности, переместиться туда, где данный разговор будет безопасен. Именно поэтому многие говорят о сексуальности вещей, а не людей, на вещь можно перенести любую проекцию собственной сексуальности. Но остается вопрос: может ли данное говорение привнести что-то в науку или хотя бы в жизнь самого человека?